Еще более характерно этот мотив бегства врагов от "страха божия" выражен в другой отписке с Амура (1655 г.): "и видя к себе те богдойские люди божие посещение, и наподе на них ужас и трепет, и они порох пометали на своих таборах в воду и верховые огненные заряды".1

Этот мотив, издавна известный старой повествовательной литературе, отразился и в азовских повестях, например в Документальной, где о турках и татарах в конце осады Азова сказано: "вниде ужас в кости им, трепет в забвенныя души, и за четыре часа до дни возмутяся побежали, никим гоними..." (88), ср. в Поэтической: "возмятесь окаянны и вострепетас побежали никем нам гоними с вечным позором" (Тх. 5, л. 43 об.).

Последний компонент этого мотива по амурской отписке — враги, устрашенные богом, "пометали" свое вооружение, — можно проследить в близкой параллели по Казанскому летописцу: "и паде на ны (татар. — А. Р.) страх и трепет, встав и побежа нощию из града Тулы, и весь наряд свой у града стоящи пометав с великим срамом, гоними божиим гневом".²

Отписка О. Степанова, которую мы уже начали цитировать, изображает осаду Комарского острога почти что в духе воинских повестей. Вот, например, традиционное для литературы "видение" воинов: "а как сидели в острожке в осаде от богдойских людей, имели казаки пост и молитву и в то время было явление многим древним от иконы всемилостивого спаса, и от иконы пречистыя владычицы богородицы нашей и приснодевы Марии и от всех святых" (30). В Документальной повести выражение этого мотива строится аналогично: "А как оне в осаде сидели, и оне де казаки имели пост и молитву и моление великое, чистоту душевную и телесную. И многие искусные люди видех вне до конца сна ово жену прекрасну в багряной ризе, а ово мужа древна власата боса и их, атаманов и казаков, от иноплеменных от поганых заступающа..." (87—88).3 Ср. то же самое в Поэтической повести: "А в сидение свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое и чистоту телесную и дущевную. Многие от нас людие искусные в осаде то видели во сне и вне сна ово жену прекрасну" и т. д. (Тх. 5, л. 41 об.).

Обе приведенные отписки по характеру своего стиля стоят уже на грани собственно историко-повествовательной литературы. Если бы эти отписки были размножены в списках, то после самой незначительной литературной обработки они могли бы занять место рядом с такими произведениями, как Историческая повесть об азовском взятии или сибирская Повесть о городах Таре и Тюмени.

Сибирские отписки казаков, таким образом, близкие по своей стилистической манере донским войсковым отпискам, однотипные

¹ Дополнения к Актам историческим, т. IV, № 8, стр. 27—31; отписка "приказногочеловека" О. Степанова, который сменил Хабарова в действиях на Амуре.

² Полное собрание русских летописей, т. XIX, стлб. 111.

³ "Жена прекрасна в багряной ризе" — прямая парадлель к летописной повести о видении Темир-Аксаку, шедшему на Москву.